

ОБ ИДЕЕ «PRIVACY» (ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

ЕЛЕНА ГУРЕЦКАЯ, НИНА ФИЛИППОВА (Россия)

Анализ явлений, терминологически связанных с понятием *privacy*, требует привлечения социологического, антропологического и культурологического подходов. К такому выводу мы приходим всякий раз при изучении диады личность – *privacy* именно в силу того, что адекватного перевода на русский и многие другие языки понятия «*privacy*» не существует.

Идея *privacy*, производная от западного культа индивидуализма, имманентная сущность личности, выросшей с этим культом, осмысливается интуитивно, но остается трудной для фиксации «в слове», в языке другой культуры – культуры общинной, коммунальной.

Кроме того, в другой, «общинной культуре», слово «*privacy*» имеет не позитивную, а отчетливо выраженную негативную коннотацию, предполагающую не только одиночество и изолированность, но и потенциальную печальную перспективу быть брошенным, оставленным.

Здесь царит культ «Мы», но не «Я»; ценится солидарность, а не “self-made values” (сам-себя «сделанность»); обязанности перед социумом не сопрягаются с «ответственностями» (“responsabilities”); социальные гарантии, равенство и «светлое будущее», пусть и мифические порой, легализуют права только «большинства»; стабильность кажется предпочтительнее, чем риски; дисциплина поощряется, даже когда она прикрывает неготовность к компромиссам; терпение – беспредельно, а толерантность (терпимость) не «выживает»; царят вера в то, что «жизнь намного сложнее, чем законы» и жить «по понятиям» допустимо.

Обсуждая эти коллизии, мы обращаемся к опыту великого русского поэта, волею судьбы ставшего гражданином США, получившего в 1987 году Нобелевскую премию по литературе «за многогранное творчество, отмеченное остротой мысли и глубокой поэтичностью». Бродский начинает свою Нобелевскую речь многократным повторением слова «частный». «Для человека **частного**, и **частность** эту всю жизнь какой-либо общественной роли предпочитавшего, для человека, зашедшего в предпочтении этом довольно дале-

ко – и, **в частности**, от родины < ... > стоять на этой трибуне большая неловкость»¹.

В дальнейших рассуждениях слово «**частный**» снова оказывается «смыслообразующим». «Если искусство чему-то и учит... то именно **частности** человеческого существования ... оно вольно или невольно поощряет в человеке именно его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности – превращая его из общественного животного в **личность**. Всякая новая эстетическая реальность делает человека, ее переживающего, лицом еще более **частным**, и **частность** эта, обретающая порой форму литературного (или какого-либо иного) вкуса, уже сама по себе может оказаться если не гарантией, то формой защиты от порабощения»².

Кажется, что все языковое «поле» выделенных нами слов: *участь, причастие, участие, соучастие*, способствует глубине мысли поэта.

Совсем не случайно И.Бродский акцентирует данное слово, ощущая аналитически, интуитивно и посредством откровения, что в русском языковом сознании данное «поле» еще не распаханно.

Обратимся к Словарю современного русского языка (1984). И слова, и словосложения («частник/частница», «частнический», «частнособственнический»), и, в особенности, принципы цитирования выдают очевидные негативные предубеждения. Отметим, предубеждения, идущие из дореволюционного прошлого.

А уж обилие фразеологизмов, выводящих нас в юридическую, по сути девиантную (отклоняющуюся от общепринятых в данном обществе норм и правил) сферу жизни, говорит само за себя: **частное обвинение, частное определение, частный поверенный, частный пристав**.

И это при том, что даже в Толковом словаре живого Великорусского языка Владимира Даля словосочетание «частная жизнь» отсутствует.

Да, когда немецкий философ Вальтер Беньямин писал в 1927 году в очерке «Москва», что «*большевизм ликвидировал частную жизнь*»³, он вряд ли подозревал, как глубоки многовековые русские традиции.

¹ <http://lib.ru/BRODSKY/lect.txt>.

² Там же.

³ **Беньямин В.** Москва // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М., 1996, стр. 179-180.

И современные, и дореволюционные словари русского языка противопоставляют слово «частный» словам «общественный», «государственный». Это противопоставление, несовпадение и даже противоположение частной жизни человека как члена общества и гражданина государства, ему, как частному лицу в определенных сферах и атрибутах своей жизнедеятельности, и вызывает у И.Бродского «лингвистический» протест.

Сомневаюсь, что поэт был знаком с текстом брежневской Конституции (1977) и отсутствием в ней слова «частный», сомнительна его осведомленность о том, что выражения «частная собственность», «частная жизнь» появились в Конституции Российской Федерации (1993), но несомненно его глубокое осмысление английского слова «privacy».

Мы уже говорили, что важный для американской культуры концепт практически непереводаем на русский язык. В популярном у нас англо-русском словаре Мюллера данное слово переводится как *уединение, уединенность; тайна, секретность*, но данное толкование лишает слово privacy важной для него смысловой нагрузки.

Согласно словарю Вебстера, слово privacy означает некое **качество жизни**, определяемое **реальной возможностью** осуществлять автономию и свободу в той сфере жизни, которая может быть названа «частной». Это слово-термин, точнее, концепт, определяет права человека на автономию и свободу в частной жизни, права на защиту от вторжения в нее других людей, органов власти или каких-либо общественных организаций и государственных институтов.

Одновременно с незыблемостью принципа транспарентности (прозрачности), гласности применительно к государственной и общественной жизни для американцев священна и незыблема особая сфера, данные о которой человек вправе не делать открытой – его частная жизнь.

Русский поэт и американский гражданин И.Бродский, волею судеб принадлежащий двум культурам, посредством одного слова предъявляет те социальные условия и формы бытия, которые могут придать жизни человека подобное качество и обусловить осознание им своего неотъемлемого права на защиту такого качества жизни.

Показательно, что текущий политический дискурс, разграничивая тоталитарную и авторитарную системы, именно *невмешательство в частную жизнь* выделяет как главное отличие второго от первого.

Для И.Бродского было неприемлемо подразделение общества *на интеллигенцию и всех остальных*, ибо, если для подразделения общества на богатых и бедных существуют какие-то чисто физические, материальные обоснования, то *для неравенства интеллектуального они немыслимы*. В чем-чем, в этом смысле равенство нам гарантировано от природы. Речь идет не об образовании, а об *образовании речи, малейшая приблизительность в которой чревата вторжением в жизнь человека ложного выбора*⁴.

Известно, что языковая личность начинается тогда, когда *мысль не воплощается, а совершается в слове*, тогда, когда в игру вступают интеллектуальные силы, устанавливающие иерархию смыслов и ценностей в картине мира. При работе со студентами поиски слов, как условия повышения уровня их рефлексивного потенциала, представляются нам важными.

Работа со словом имеет особое значение для личности, которой внутренне присуще то, что обозначено словом *privacy* и у которой есть внешние гарантии ее обеспечения.

Хотя надежда на то, что обретение точного слова способствует улучшению жизни и делает нас победителями, выглядит несколько наивно для поколения, так часто повторявшего на экзаменах по общественно-политическим дисциплинам изречение Маркса: «Бытие определяет сознание». Иосиф Бродский, покинувший школу в пятнадцать лет и посему избежавший данного повторения, «раскусил эту духовную клинопись» и усомнился в ее справедливости в очень юном возрасте; и позднее, в эссе «Меньше единицы», уточнил: это изречение «верно лишь до тех пор, пока сознание не овладело искусством отчуждения; далее сознание живет самостоятельно и может как регулировать, так и игнорировать существование»⁵.

Сам поэт овладел искусством отчуждения настолько, что свои знаменитые эссе писал не на своем родном языке, а на «чужестранном», «чтобы подхлестнуть язык – или себя языком». В эссе «Полторы комнаты» переход на английский язык представляется еще более обоснованным, целесообразным. После его вынужденной эмиграции родители поэта так никогда больше не увидели своего сына, хотя 12 лет пытались получить разрешение на поездку в Америку, но «неизменно именно по-русски слышали в ответ», что государство считает такую поездку «нецелесообразной». Выделенное нами слово Бродский

⁴ <http://lib.ru/BRODSKY/lect.txt>.

⁵ <http://lib.ru//BRODSKY/rooms/txt>.

использует только в авторизованном переводе текста на русский язык. Английский вариант слова сконструирован поэтом по законам английского языка, но непривычен для уха его «носителей»: *unpurposeful*. В субтитрах к фильму Андрея Хржановского «Полторы комнаты или сентиментальное путешествие на родину» дается нейтральное слово *inappropriately* – «неуместно». Другие слова, которые могут быть использованы в подобной ситуации в Америке: *inadvisable*, *unsubstantiated*. Суть отказа государства в просьбе выражена семантикой корней и может быть переведена, соответственно, как «не советуем, ваше намерение не обдуманно» и «не приведены достаточные основания». Очевидно, что они не передают стилистики советских государственных канцелярий, которые именно «цель» визита ставили под сомнение.

Переход на английский язык для И.Бродского есть форма отчуждения от действительности, попытка создания новой реальности: «Я хочу, чтобы Мария Вольперт и Александр Бродский обрели реальность в «иноземном кодексе совести», хочу, чтобы глаголы движения английского языка повторяли их жесты. Это не воскресит их, но, по крайней мере, английская грамматика в состоянии послужить лучшим запасным выходом из печных труб государственного крематория, нежели русская. Писать по-русски значило бы только содействовать их неволе, их уничтожению, кончающимся физическим развоплощением... Пусть английский язык приютит моих мертвецов»⁶.

Сознание, запечатлеваясь в продуктах культуры (включая язык), действительно может и регулировать, и игнорировать физическое существование. Язык также обладает способностью определенного отчуждения, отстранения. Слова Э.Бенвениста о том, что действительность производится заново при посредстве языка, формулируют идею о том, что последний создает воображаемую реальность, одушевляет неодушевленное, позволяет видеть то, что еще невозможно, восстанавливает то, что исчезло. Иными словами, продукт языка – это «виртуальная реальность», которая предназначена для порождения бесконечного множества других «виртуальных реальностей».

⁶ <http://lib.ru/BRODSKY/rooms/txt>.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается диада «личность-privacy». Приводятся практики кросскультурного анализа базовых терминов. Акцент сделан на лингвострановедческом анализе понятия «privacy».

Ключевые слова – человек, индивид, индивидуальность, личность, privacy, частное пространство.

«PRIVACY» ԳԱՂԱՓԱՐԻ ՇՈՒՐՋ

ԵԼԵՆԱ ԳՈՒՐԵՑԿԱՅԱ, ՆԻՆԱ ՖԻԼԻՊՊՈՎԱ

Հոդվածում քննարկվում են անհատ «privacy» զուգահեռները: Անց են կացվում հիմնական տերմինների միջմշակութային վերլուծություններ: Շեշտը դրված է լեզվամշակութային գաղտնիության վրա:

Բանալի բառեր – մարդ, անհատ, անհատականություն, ինքնություն, գաղտնիություն, անձնական տարածք:

APROPOS OF THE CONCEPT OF PRIVACY

ELENA GURETSKAYA, NINA PHILIPPOVA

This article considers the notions of “individual - privacy” words. Cross-cultural studies of the key terms are carried out. Linguistic and cultural analysis of the notion of ‘privacy’ are emphasized.

Key words – human being, individual, personality, entity, privacy, private property.